

Многие читатели «Ровесника», наверное, уже посмотрели или, надеюсь, еще посмотрят фильм Милоша Формана «Полет над гнездом кукушки». Фильм из категории тех, которые называют «спорными». И заметки философа Борнса Пружинкина об этом фильме — тоже спорные. Публикуя их, мы предлагаем читателям поделиться с редакцией своим мнением.

ТОЛЬКО ТЫ

И вот что... в... лленных и, в общем, ... ных отзывах, которые мне приходилось слышать об этом фильме, отсутствовала, как правило, одна важная деталь. Настолько привычная и важная, что это вряд ли могло быть случайным. Все рассказывавшие о фильме избегали прямого ответа на простой и ясный вопрос — «про что фильм?».

Нет, конечно, мне обстоятельно рассказывали, что фильм о том, как в психиатрической больнице из здорового человека делают больного, а из больных делают еще более больных людей. Намекали, что фильм — о «карающей психиатрии»; и обобщали — о нашем «безумном мире». Однако никто мне не говорил, что фильм, например, ПРО карающую психиатрию или ПРО наш безумный мир. А ведь «ПРО ЧТО» — это самое главное. Мы говорим — «про любовь», «про войну», «про послевоенную деревню» — и ясна тема, ясны психологические типы, ясна суть, повторяю, суть конфликта. Детали, переживания — за тем и идем в кино. И зачастую мы даже и не ставим вопрос: а, собственно, что нового мы узнали? Да и надо ли узнавать? Ведь фильм художественный. Смотри, переживай, а за знаниями ходи на научно-популярные фильмы. Есть во всем этом доля правды, не спорю. Но только доля. Ибо бывают и много рода художественные произведения, говорящие нам нечто новое об этом известном мире и о нас самих, или, по крайней мере, напоминающие нам о чем-то прочно забытом, так прочно,

что мы даже и не можем точно сказать, «про что» они, эти фильмы. Ну про что, например, «Зеркало»? Или «Сталкер»? — не приключенческий же это фильм. Мы лишь чувствуем (в том и искусство художника), про что они. Осмысливаем их мы сами. И это требует от нас напряженной работы мысли, поиска, догадок.

Мне кажется, что фильм прост, и отнюдь не замысловата символика мешает понять, про что он. Просто давным-давно известная и множество раз художественно изображенная тема представлена в нем под таким непривычным и неожиданным углом зрения, что сначала испытываешь сомнение, а о том ли это. И я в общем не был особенно удивлен, когда мне рассказали о рецензии, автор которой недоумевал: зачем нам (с вами) этот фильм нужен? Ведь, во-первых, так давно уже нигде не лечат (во всяком случае, так не лечат в ответственных больницах), а во-вторых, если этот фильм и намекает на какие-то наши (с вами) обстоятельства, то и намек получается какой-то неуместно стыдливый, вроде «фиги в кармане», ибо уж очень он общий, расплывчатый. И рецензент был бы прав, если бы фильм действительно был «про больницу», про методы лечения, про ответственность врачей и про ответственность вообще. Но фильм-то про другое. Фильм про свободу, про то, как не просто ее обрести, не теряя ни себя, ни ее.

ТОЛЬКО ТЫ

Итак, о свободе, точнее, о том, без чего свободы нет и быть не может. Но что можно об этом сказать нового в наше время мощных освободительных движений, когда за свободу борются все? Ведь знают же, за что борются? Знают, точнее, узнают. И в этом узнавании — опыт борьбы за свободу, опыт успехов и неудач. Ибо борьба за свободу отнюдь не всегда завершается желаемым результатом. Да и любопытно, что в наше время никто не скажет, что борется против свободы, все только за... Правда, понимают ее по-разному — ведь самые диктаторские режимы XX столетия именуют себя демократиями. Выборы и прочее... Есть о чем задуматься. Но не о конкретных социально-политических проблемах фильма Формана. Обретение свободы — это и личностная проблема. Не случайно «Манифест Коммунистической партии» провозглашает в качестве цели построение такого общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». В судьбе отдельного человека как в капле воды отражается весь мир с его сложностями и проблемами, отражается неповторимо, уникально, но весь. И потому касается всех. Про это, про общезначимое и рассказывает нам фильм-притча.

Отделение психиатрической лечебницы. Группа больных, каждый из которых болен по-своему, но все они одинаково болезненно переживают свою болезнь, свою неполноценность. Старшая сестра — мисс Рэтчед (фамилия медсестры «говорящая», в русском переводе романа К. Кизи, опубликованном в журнале «Новый мир», 1987, № 7—10, — мисс Гнусен) — полная властная хозяйка отделения. Она властвует, решая и распоряжаясь, не только как Старший медицинский работник — в ее руках огромная власть над душами больных, и власть эта держится на «системе» лечения. Она крайне проста: больным постоянно напоминает о том, что именно привело их в больницу, и тем самым вызывают приступы болезни и сознание ущербности, как раз и позволяющее Старшей сестре безраздельно властвовать.

Более того, в больнице налажена система «самотерапии» — на общих собраниях Сестра лишь указывает на уязвимое место того или иного больного, остальное делает коллектив, который, сначала смущаясь, а потом со все большей злобой и азартом, добивает несчастного. Так устанавливается Порядок, хранительницей которого является Старшая сестра. Порядок угнетения. И в этот порядок врывается Макмерфи.

Главный герой фильма далеко не ангел. Начать с того, что он симулянт. В больницу он попадает из тюрьмы, надеясь «перекантоваться» остаток срока. Да и в тюрьму он попадает не первый раз... Да и вообще... Одним словом — не ангел. Но есть в его характере черта, которая вызывает уважение: Макмерфи не только не склонен предоставлять кому-либо право решать за себя (во всяком случае, не склонен отдавать его без боя), но он к тому же искренне уверен, что таким правом обладает каждый.

И веселый анархист Макмерфи сталкивается с Порядком. Он с удивительной непосредственностью не принимает несамостоятельность больных, он зовет их к самостоятельности, азывает, уговаривает, хитрит и — что самое главное — полагается на них. И они, больные, преображаются на глазах... Таков первый пласт в смысловой иерархии этого фильма. Я не думаю, что в этом пласте есть нечто такое, чем можно было бы нас удивить. Схема подавления человеческой свободы здесь проста и легко узнаваема, как легко узнаваема Старшая сестра — и в семейном деспоте, и в вожаке, и в Отце народа (помните «Осень патриарха» Г. Гарсиа Маркеса?). Есть нечто и от народных сказочных традиций в неопорном хитроватом весельчаке Макмерфи Р. П. Он, безусловно, симпатичен нам. Но... но не весельчак Макмерфи приносит больным освобождение, свободу. Нет у него для этого сил.

Легким, почти незаметным поворотом сюжетной линии вводит нас Форман в новый пласт жизни-притчи. И многое в нем предстает иначе и сложнее, чем казалось. Макмерфи добивается некоторых успехов, а дальше ситуация как бы застывает. И не потому, что Макмерфи сталкивается с Сестрой — сами больные хотят свободы, но в не меньшей степени боятся ее. Если бы речь шла только о том, чтобы стряхнуть с себя власть Сестры, чтобы проснуться... Суть дела в том, что в больнице они находятся добровольно и могут покинуть ее в любой момент. Могут, но не хотят. У них разные мании, но есть нечто объединяющее их — они все спрятались в больнице, они добровольно отдали свою свободу, отдели за право уйти от мира, где им приходилось действовать самим, самим решать и расплываться за свои решения и действия и где каждый из них так или иначе потерпел неудачу, лишился веры в себя и обрел

усталость и вечный страх перед этим миром с его свободой.

Можно было бы, наверное, снять еще один остросоциальный фильм о мире, который лишает человека уверенности в себе, где свобода оборачивается жестокой конкуренцией и пр. У Формана это, наверное, получилось бы. Но фильм Формана не об этом. В любом мире, будь он сколь угодно «мягок», свобода — это решение, это бремя решения, свобода — это значит, всю ответственность брать на себя и все, что ты сделаешь, — твое, твое, твое, хотел ты это получить или нет. Трудно думать разреженным воздухом свободы. Эйфория легкости, непосредственности всякими нормами, инстинктами, параграфами быстро сменяется ощущением незащищенности. Страшно преступить через норму и брать на себя бремя свободы. И об этом не худо было бы знать, кто желает ее иметь. К свободе надо готовиться, а несчастные больные уже разочаровались в ней. Мир показал им явно и жестоко, что они не готовы к свободе, что у них нет сил нести на себе ее бремя. Мир, где человек делает то, что он хочет, — мир их мечты, они хотели бы туда, в этот мир, но они его боятся.

Именно такой страх и отдает их в руки Старшей сестры, а совсем и не ее «терапия», не ее жалкие ухищрения. Впрочем, почему ухищрения? Почему сарказм? В этом пласте бытия иначе выглядит и сама мисс Рэтчед. Несчастные, уставшие люди отдают ей непопулярный для них груз решений, выбора, ответственности, и она принимает это бремя, принимает со всей ответственностью и серьезностью, на какую только способна. Она служит им, она освобождает их от бремени, она служит свободе. В конце концов, если люди выбрали покой, то покой для них и есть свобода, покой, а не решения и ответственность. И кто-то им должен дать такую возможность, кто-то должен взять заботу о них на себя и решать, что для них лучше, а что хуже, что им нужно на самом деле, а что — нет. Странная терапия? Но она же нужна для них, для больных, для того, чтобы они не потеряли чувство реальности, ибо стоит им забыться — и они вновь лицом к лицу столкнутся с жестоким миром, и крах их будет еще страшнее. Конечно, тот, кто умеет преступить через свой, именно свой комплекс неполноценности, — выздоровевает. Именно поэтому со всей ответственностью берет на себя Сестра тяжкий труд — копаться в подробностях чужого падения. Неблагодарная, но честная задача, задача честного слуги, посвятившего себя служению свободе, — развеивать чужие иллюзии. Это не то что безответственные, никаких серьезных целей не преследующие шаги иллюзиониста Макмерфи.

А впрочем, так ли уж бескорыстен этот Макмерфи? Ведь он и не скрывает причины, толкающие его на конфликт с Сестрой, — он хочет делать то, что он хочет и когда захочет, и совершен-

но не замечает, что другие хотят покоя, и только покоя. Он, он, он, для себя, для себя, для себя. Он сталкивается с Сестрой не ради свободы вообще — свободные люди нужны ему, чтобы играть с ними в карты и обыгрывать их (не обманывать), чтобы слушать его, быть его зрителями, напарниками. Для себя старается Макмерфи, нисколько не заботясь о том, что его игра, может быть, и не нужна и опасна для окружающих, которые возманив себя столь же свободными, как и он (единственный настоящий заключенный), а потом... вновь падение.

Да, возманив, да, возьмут на себя, и будет вновь падение. Но не может человек без этого, в этом сущность его. Человек свободен. И это не фраза, а факт. Волк родится волком, заяц — зайцем. И не выбирают они, кем им быть, и не несут ответственности ни за то, кто они, ни за то, что делают. Обвинять волка в том, что он безжалостен к зайцам, а зайца — за то, что он безропотно мирится с таким положением, — глупо. Это лишь человеку дано быть всем. Он, кстати, может быть и зайцем, и волком. Но самое трудное — быть человеком, самому решать, кем быть, и отвечать за свои решения и перед самим собой, и перед миром. Человек, лишенный этого права, возможности, — лишен сущностной человеческой черты, он калекка по самой своей сути. Можно быть человеком без рук, без ног, без глаз. Но нельзя быть человеком без свободы. Оттого и тянутся к Макмерфи больные, оттого и не приемлем мы служение Сестры, оттого и прощаем мы незамысловатый эгоизм Макмерфи. И вновь распадается структура фильма: Форман вводит нас в третий смысловой пласт размышлений о свободе.

Может быть, именно потому, что свобода других есть для Макмерфи потребность, вырастающая из простого, вполне полезного интереса, тянутся к нему больные. Это естественный для Макмерфи интерес, выражающий его суть, а стало быть, естественным является и взгляд на других как на вполне свободных субъектов. Больные ничем не обязаны ему за его взгляд, и это обстоятельство избавляет их от самой изощренной формы угнетения — угнетения служением.

Отказаться от себя ради других, ради свободы других. Звучит благородно! Но есть в этой позиции страшный искус для того, кто служит, и страшная опасность для того, кому служат. Не случайно мы избегаем отдавать кому бы то ни было свои права, даже тяжелые, не случайно встаем против неумеренной заботы о нас, против неумеренной опеки. И тем более резко встаем, чем с большей самоотдачей распространяется на нас чье-либо служение. (Что свободный рабовладелец оказывался в рабской зависимости от своих же рабов, без которых он и шагу ступить не мог, знают все, но отчетливо бывают так грубы дети, для счастливого детства которых родителями от-

дано, кажется, все — об этом часто не догадываются.) Нельзя служением освободить, служением свободе можно лишь закабалить. И об этом прекрасно знают диктаторы самых различных мастей — они ведь только служат своим народам и берут тяжкое бремя ответственности на свои плечи. А в ответ требуют только одного — благодарности, обязывающей принимать их служение: не пытайтесь освободиться, будьте благодарны нам за то, что мы взвалили крест вашей ответственности на себя. Да, никакой слуга, даже самый выдающийся, никакой Герой не может дать свободу. Свободу вообще нельзя дать. И Макмерфи ее никому не дает, он лишь будит в людях веру в свободу, веру в себя. Хотя то, что обретают больные в общении с Макмерфи, — это еще далеко не свобода.

В странную ситуацию попадает Макмерфи. Его естественное свободолобие будит в людях желание свободы, но и только. Это желание не способно преодолеть страх. И логика событий увлекает Макмерфи... к служению. К тому самому, о котором мы только что говорили. Больные ждут: он их защитник, их герой, он даст им свободу. Но Макмерфи чувствует — вступая в борьбу за их свободу как слуга свободы, он теряет свободу сам. И именно эта потеря, этот вынужденный отказ от себя — а не мисс Рэтчед, не Старшая сестра — мешают Макмерфи. Он не выдерживает, пытается бежать. И в его попытке побега не только страх за себя, но и нежелание уподобиться мисс Рэтчед.

Мисс Рэтчед. Ведь она-то служит. Она берет на себя бремя чужих забот, более того, она берет на себя обязанность напоминать этим чужим людям об их неполноценности. Воспринимая, однако, свое служение как долг, принимать на себя чужие решения, решая за других, она как бы примиряется с их несвободой. Более того, круг, как правило, замыкается довольно быстро — лишь их несвобода делает осмысленным ее существование. И несвобода становится нормой. Порядком. О, сколько диктаторов, бытовых и политических, начинали со служения свободе и довольно быстро приходили к странной мысли, что они нужны лишь несвободным людям. И всячески калечили души людей, чтобы убедить их в нормальности такого порядка. Однако это лишь кажется, что из человеческой души можно сделать все что угодно, сделать ее послушной, например, и это будет нормой. Не человек — сам себя, а именно кто-то — его. Ведь в душе у человека нет ничего определенного. Он же свободен, человек, а свобода — это произвол. Именно потому человек нельзя довериться и нужен Порядок. Нет закона в душе человеческой, и закон приходит извне, его внедряют, будто душа человеческая — это пустота, каверна, требующая заполнения.

Но когда действуют исходя из такого представления о человеке, душу калечат, рождая бессмысленный, а потому непредсказуемый бунт. Этого боится Старшая сестра. И ходят все время по отделению три настороженные черные тени — три санитары. Мисс Рэтчед не верит себе, не верит — и ненавидит больных. Отнять свободу — все равно что запретить дышать, и больные платят ей тем же.

Но ведь и Макмерфи не дал больным свободу. Ее вообще нельзя дать, как нельзя отнять. От свободы отказываются и свободу завоевывают. Но для последнего нужно захотеть, очень захотеть принять на себя бремя свободы. Точнее, нужно понять, что свобода — это долг, это обязанность человека. Мисс Рэтчед не свободу у больных отнимает — она лишает их чувства долга. Долг выполняет только она, она берет на себя долг быть человеком. А что может дать Макмерфи? Как может он заставить больных принять на себя бремя свободы? Если это не служение, то остается только одно — самопожертвование. Рэндл П. Макмерфи жертвует собой.

Самопожертвование — только миг, но этот миг прорывает все три пласта бытия. Не всегда самопожертвование совпадает с финалом жизни. Оно происходит зачастую на наших глазах, и мы даже не замечаем жертвы. Но в том-то и дело, что жертвы, которые легко увидеть, совершают те, кто служит, герои. И они получают свое вознаграждение. «Звездные часы» человеческой самоотдачи бесценны, они не требуют платы — они требуют взять на себя ответственность, от которой уже никто не может освободить. И после гибели Макмерфи взрывается всплеском свободы Вождь, огромный индеец, прежде отдававший все свои права почти без остатка, взрывается мощным свободным ураганом и разрушает то невозможное место, где люди существуют без свободы, место столько же невозможное, как гнездо кукушки. Так кончается этот фильм-притча, фильм про свободу, напоминающий нам об истинах, которые, возможно, и не новы, но о которых почему-то редко вспоминают в век, когда за свободу борются повсеместно.

